

цесс: Учебное пособие. – Харьков: Одиссей, 2000. – С. 21-22. 6. Адлексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития советской науки уголовного процесса. – Воронеж, 1980. – С. 53. 7. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. – М.: Юрид. лит., 1961. – С.47. 8. Даев В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. – 1974. – № 1.; Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. – Ярославль, 1976. 9. Шимановский В.В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. – 1965. – № 2. – С. 175, Выдря М.М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Сов. Гос-во и право. – 1980. – №9. – С. 78-82. 9. Михайленко А.Р. Расследование преступлений: законность и обеспечение прав граждан. – К.: КГУ, 1992. – С. 41. 10. Мариупольский Л.А., Гольст Г.Р. К вопросу о процессуальных функциях следователя // Сов. гос-во и право. – 1963. – № 6. – С. 35.; Шимановский В.В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. – 1985. – №2. – С. 178.; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М., 1986. 11. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам – Воронеж: Изд-во Ворон-го. унт-та, 1971. – С. 52. 12. Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. – Ярославль, 1976. – С. 12. 13. Попова Л.В. Указанная работа. – С. 7. 14. Кримінальний процес України: Підручник / За ред. Ю.М. Грошевого та В.М. Хотенця. – Харків: Право, 2000. – С. 23. 15. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – С. 54-69.

Надійшла до редколегії 21.05.2000

*А.В. Баляба,
соискатель Луганского института внутр. дел*

О предмете криминологии

Традиционно считается, что науки дифференцируются по предмету и методу исследования, которые и являются их отличительными характеристиками. В действительности эти критерии в некоторых случаях оказываются довольно расплывчатыми, в связи с чем дискуссия по поводу суверенитета той или иной науки, особенно в юриспруденции, является перманентной.

В советский период всеобъемлющим методом науки считался диалектический материализм. Партийная цензура следила за идеологической направленностью всех научных исследований, но наиболее пристально – в общественных науках. Поэтому формально постановка вопроса о специфике метода изначально была несостоятельной. Однако нельзя не видеть, что идеологический догматизм по своей сущности зачастую выражался лишь в словесной приобщенности к марксистскому учению XIX в., был

своего рода церемониальной данью призракам. Наука развивается по своим законам, этот процесс можно замедлить, но остановить невозможно. В криминологии, критикуя западные теории за их «буржуазность», советские ученые, тем не менее, использовали в своих исследованиях достижения зарубежных коллег, совершенно обоснованно внося поправки на специфику нашей действительности.

В связи с изложенным вызывают изумление панические заявления о потере перспектив после отказа от обязательной ориентации на марксизм как на единственно верное всеобъемлющее учение. Так, белорусский криминалист Г.А. Зорин в работе, посвященной проблемам криминалистической методологии, пишет: «С потерей марксизма-ленинизма как всепобеждающего учения криминалистика «осиротела» с идеологической точки зрения. Потускневшие идеалы обещанного светлого будущего не нашли себе адекватной замены. Их потерянное стали вытеснять пессимистические перспективы безысходности, опустившие крылья перед силами зла...»

Криминалистика сейчас напоминает разорванную автором пьесу, переполненную неопределенным смысловым пространством, отражающим коридоры кривых зеркал... и разнообразных точек зрения на проблемы, «взывающие о разрешении» [1, с. 592-593].

Если речь идет о методологии, а не идеологии, то диалектический материализм как метод исследования недопустимо отождествлять только с марксизмом. Этот метод был обоснован еще в античной философии и о какой-то «потере» его говорить бессмысленно: наравне с другими методами его использовали и продолжают использовать специалисты Украины, стран ближнего и дальнего зарубежья в той мере, в какой он служит целям исследования. Единственное, в чем безусловно прав автор, так это в признании чрезвычайно важного для понимания кардинальной перемены в отечественной науке факта – ликвидации монополии на истину, ее идеологизации. Разнообразие точек зрения на проблемы, «взывающие о решении» – это нормальное, основополагающее условие существования самой науки как средства познания мира.

Сегодня идеологический пресс снят, и в учебниках открыто перечисляются те методы, которые фактически использовались и продолжают использоваться в криминологических исследованиях: «Методы криминологических исследований представляют собой совокупность статистических, социологических, сравнительных, системных, математических, социально-психологических, логико-правовых и иных приемов и способов изучения преступности и ее закономерностей... Изучение криминологических явлений может опираться также на любые общенаучные и специальные методы познания, позволяющие углубить наши представления о различных составных частях предмета криминологии, включать кроме перечисленных выше подходов методы экономической науки, политологии, науки управления, эргономики, биоло-

гии, психиатрии, генетики и других общественных и естественных наук» [2, с.216]. Вполне очевидно, что при таком спектре отнесение метода к числу дифференцирующих критериев весьма условно.

Не лучше ситуация с предметом криминологии. В том же учебнике констатируется, что «криминология – это наука междисциплинарная, т.е. связанная с некоторыми другими науками» [2, с.27], что объясняется многоаспектностью ее предмета: преступность, ее причины и условия, личность преступника и жертвы, формы и способы предупреждения преступности. Приведенный перечень не является исчерпывающим, он периодически пополняется и детализируется. Однако и в очерченных рамках явления, составляющие предмет криминологии, изучаются также специалистами в области многих других наук. Понятно, что не всегда возможно провести четкую демаркационную линию между предметами социальных наук, так как сами общественные явления и процессы органически связаны между собой, взаимодействуют и взаимопроникают в ходе своего развития. Отграничение предмета одной науки от предмета другой осуществляется по линии расчленения объектов исследования, а также по аспектам, уровням и целям исследования в условиях совпадения их объектов, и по этому пути необходимо идти при определении предмета криминологии.

Сегодня на приоритет в изучении преступности, наряду с криминологией, претендует социология. В некоторых странах «спор» уже разрешен в ее пользу: социология фактически поглотила криминологию. Как учебная дисциплина в США, например, она, даже сохраняя название, преподается не на юридических, а на социологических факультетах. Большинство американских криминологов не являются юристами. По этому фарватеру начинает следовать и западноевропейская криминология. Парадокс в том, что профессиональные криминологи-юристы зачастую либо обходят молчанием эту «интервенцию», либо смирились с ней [3, с. 5-54; 4, с. 29]. В отличие от них социологи предпринимают попытки (впрочем, не заканчивающиеся положительным результатом) разграничить науки, конструируя даже свое определение основополагающего предмета исследования криминологии – преступления [5, с. 38-37].

Порой оценка симбиоза социологии и криминологии переносится в плоскость поиска ответа на «детский» вопрос: «Кто главнее?». Наиболее ярко это проявляется в оценке приоритета методов исследования двух наук. Причем конкретной характеристики якобы имеющихся особенностей никто не приводит, но общие выводы делаются прямо противоположные. Так, Д.А. Шестаков пишет: «Из неюридических дисциплин криминология наиболее тесно связана с социологией, социальной психологией, демографией, статистикой и педагогикой. Из них она черпает методiku исследования обуславливающих преступное поведение процессов, развивающихся в обществе в целом, в груп-

пах людей и в сознании личности, методику количественной интерпретации этих процессов, а также воспитательную методику, которую криминология приспосабливает для предупреждения преступлений. Названные дисциплины в свою очередь обогащаются соответствующими знаниями и идеями, касающимися области преступности» [6, с. 6]. А немецкие криминологи Э. Бухгольц, Дж. Лекшас и Р. Хартман, констатируя трудности разграничения наук криминологии и социологии, тем не менее, утверждали: «Социология, занимающаяся изучением преступности и ее причин, должна неизбежно стать криминологией и усвоить ее методы. Иными словами, социология, ставящая своей задачей исследование преступности, превращается в криминологию. Аналогичным образом обстоит дело и с социальной психологией... В противном случае она не сможет даже приблизиться к предмету своих исследований» [7, с. 35-36]. Французский социолог, юрист по образованию и первоначальной научной деятельности, Жан Карбонье применил оригинальный подход к определению грани между социологией и криминологией. Обозначив юридическую науку как догматическую юриспруденцию, он отметил, что различие между догмой и социологией права следует искать не в объекте этих дисциплин. Это различие *точек зрения и угла видения*. Социологи права – это практически либо юристы с дополнительными социологическими знаниями, либо социологи, знакомые с правом. Происхождение легко обнаруживается по тому, как исследуются юридические явления. Если, например, объект исследования – разведенная женщина, то первые ставят во главу угла процедуру развода и алименты, вторые же – проблему одиночества. Что важнее? Такой вопрос будет неправилен» [8, с. 35-36].

Трудно судить, почему Ж. Карбонье и первых, и вторых зачислил в социологи права. Приведенный им пример является отличной иллюстрацией методологической основы общности и разграничения юридической науки (к которой относится и криминология) и социологии. Существующая близость задач социологии и криминологии сыграла положительную роль в разработке общих подходов к исследованию преступности. Однако дальнейшая неопределенность не может быть оправдана, углубленное изучение этого феномена требует специализации науки криминологии, четкого определения ее предмета и методов исследования. Данная потребность не обусловлена конъюнктурными интересами, она объективна.

Социология – наука о наиболее общих закономерностях становления, функционирования и развития общества, организации общественного порядка. Социальная патология, включая преступность, органически входит в предмет ее исследования. Но изучается она там как социальный, а не правовой феномен, как одна из многих форм *асоциального* поведения. Все без исключения юридические науки характеризуются особой нормативной формой отражения социального бытия, име-

ют своей конечной целью организацию правопорядка. *Правопорядок – это органичная, но всего лишь часть общественного порядка, система общественных отношений, урегулированных правом* [9]. Право меньше, чем весь комплекс отношений между людьми – это аксиома, которую признают и юристы, и социологи. Еще Перикл, отмечая позитивные качества своих соотечественников, говорил, что они чтут законы писанные, но еще более – неписанные, подчеркивая тем самым различие в формах организации афинского общества.

Видный теоретик права И.С. Самощенко в советский период писал: «Социалистический правопорядок – система общественных отношений, основанных на социалистическом праве. Эта сторона дела не всегда учитывается у нас... Во-первых, при обсуждении вопроса об объекте преступления многие наши авторы подчеркивают, что таким объектом являются социалистические общественные отношения. Между тем в советский социалистический правопорядок, который указывается законом как общий объект преступлений, входят не все социалистические общественные отношения, а лишь урегулированные правом и соответствующие его требованиям» [10, с.375].

Отмеченные И.С. Самощенко недостатки характерны и для криминологии. Практически все криминологи в перечне причин и условий совершения преступлений на первое место ставят *социальные условия, социальные причины криминальных деяний*. Однако возникает парадокс: существуют якобы какие-то негативные социальные факторы, которые беспрепятственно влияют на общественные процессы, порождая крайнюю форму – преступление, а государство не предпринимает никаких попыток ограничить сферу и силу их воздействия. Конечно, подобная ситуация в действительности невозможна. Государство использует целый комплекс мер для нейтрализации причин и условий совершения потенциально опасных деяний, в числе которых основным, стоящим на первом месте является правовое регулирование. В реальной жизни *социальные факторы становятся причиной или условием совершения преступления не прямо, а через недостатки правового регулирования*, из-за которых эти факторы получают возможность негативно воздействовать на нормальное функционирование общественных отношений. Поэтому причины совершения преступлений логично искать не только в социальном устройстве и в общественном порядке, но и в правопорядке, для защиты от посягательств на который и формулируются конкретные составы преступления с соответствующими санкциями.

Фактически же при исследовании причин преступности кардинальный вопрос: порождены ли они правовой неурегулированностью, излишней зарегулированностью, ненадлежащим регулированием или объективной невозможностью в конкретных исторических условиях осуществлять эффективное правовое регулирование соответствующих общественных отношений? – обходится молчанием. *Криминология изучает*

преступность в качестве своего рода издержек, дефекта системы правового регулирования общественных отношений, разрабатывает правовые меры воздействия на причины преступности и личность потенциального правонарушителя с учетом закономерностей и свойств права, вытекающих из его природы возможностей достижения поставленных целей. И в этом специфика предмета ее исследований, основное отличие от социологии.

Социологи и представители многих других наук могут себе позволить провозглашать идеи, не задаваясь вопросом о способах претворения их в жизнь, но криминологи обязаны думать о правовых формах и механизмах реализации своих идей. Если социолог может ограничиться констатацией низкого уровня материального обеспечения граждан как причины корыстных преступлений, то криминолог в идеале должен проанализировать эффективность соответствующих норм или практики применения трудового, пенсионного, другого законодательства и предложить меры по их совершенствованию. Криминология является юридической наукой не только потому, что изучает преступность и преступление – эти феномены в разных аспектах исследуются многими науками, – а в силу общей направленности на анализ эффективности *правовой организации* общественных отношений в целях минимизации правовыми средствами причин и условий, порождающих преступность и преступления.

Воспользуемся методом аналогии. Существует такая область социологии, как социология медицины. Она изучает «состояние здоровья населения, его социальную обусловленность и роль в развитии общества, организационную структуру и эффективность медицинских учреждений, систему здравоохранения» [11, с. 333]. Однако это не является основанием для исключения из числа наук медицины, изучающей причины болезни, способы лечения и профилактики. Социология не конкурирует с ней, не заменяет медицину, как не заменяет медицина социологию. Сказанное не означает, что криминология зашорена рамками состава преступления. Изучая, скажем, причины преступности, криминолог непременно анализирует социально-экономическую действительность, «влияние всей системы конкретных общественных отношений на объекты, входящие в предмет криминологии» [12, с. 32], максимально используя арсенал социологии, психологии и других наук. Без этого криминология неминуемо выхолащивается, теряет основу. Но, повторяем, в отличие от социологии, делает это она через призму права: оценивает практику применения законодательства, недостатки правового регулирования отношений, подвергающихся эрозии, разрабатывает предложения по их устранению.

Упреждая обвинение в чрезмерном расширении задач криминологии, в попытке отрыва ее от уголовного права и «распыления» по другим отраслям, отметим, что авторы придерживаются концепции, соглас-

но которой служебная роль уголовного права заключается в охране права в целом. Поэтому ни о каком «выходе за рамки» предмета криминологии речи быть не может. Доводом против признания самостоятельности криминологии не может также служить широкое участие в исследованиях специалистов разного профиля, не являющихся юристами. Сегодня сложность изучаемых проблем в большинстве наук такова, что комплексность исследований – рядовое явление. Практически все науки, особенно относящиеся к системе общественных, в том числе юридическая наука, не могут и не должны быть автономными, полностью изолированными. Они развиваются по общим закономерностям, испытывая взаимное влияние, своего рода взаимопроникновение. Будучи наукой комплексной, криминология использует данные и методы многих наук и в этом смысле входит в сферу не только социологии, но и биологии, психологии, психиатрии, антропологии и даже метеорологии. Но можно ли на этом основании говорить, что криминология не чисто правовая, а медико-психолого-метеоролого...-правовая наука? И уж явный нонсенс – определение ее как социально-правовой науки, что убедительно обосновал Ю.Д. Блувштейн, охарактеризовавший такое определение как логический монстр. *Праксиологическая значимость криминологии – и в этом еще одно отличие ее от социологии – обусловлена участием в обеспечении обратной связи в системе правовой организации социума.*

Дискуссия о единстве или различии криминологии и социологии в научном плане не требовала бы столь много внимания, если бы от ее результатов не зависела практика совершенствования правопорядка, стратегия и тактика предупреждения преступлений. В криминологии правопорядок рассматривается в оценке не только создателей, но и исполнителей правовых норм по критерию справедливости, комфортности, соответствия морально-этическим, культурным, экономическим и другим ценностям, что в конечном счете выражается в желании его соблюдать. Образно говоря, причины преступления – это во многих случаях узел, в который завязаны пути и средства решения конкретной жизненной ситуации. Задача криминологии – правовыми средствами пресечь превращение такого рода узлов в гордиевы, предотвратить желание человека разрубить нити закона, связывающие его с обществом, предложить правовые формы решения возникающих проблем. Для этого криминология использует весь потенциал социологии и многих других наук. Широко используются результаты исследований советских, отечественных и зарубежных социологов в настоящей монографии. Но организация правопорядка и его совершенствование – это весьма специфическая деятельность, требующая соответствующей квалификации, знания закономерностей права, его истории и перспектив развития. Мы уже пережили (а может, и нет) время, когда «кухарки» управляли государством, разрабатывали законы, творили суд. Не стоит переносить

подобные эксперименты в науку, возлагая решение специфических правовых задач на специалистов других отраслей знаний, в том числе и на социологов.

Криминология в качестве самостоятельной науки не завершила процесс становления. Более чем за два века взгляды на преступное поведение и меры борьбы с ним претерпели значительные изменения. Развившись в разных направлениях (антропологическом, социологическом, биологическом, психологическом), криминология сегодня не представляет единого учения и включает ряд подходов и школ, имеющих научные центры во многих странах [13, с. 3]. В результате отсутствует однозначное определение основополагающих понятий: преступность, личность преступника, причины преступления, а также исчерпывающий перечень явлений и факторов, включаемых в предмет науки. Продолжается полемика вокруг методов исследования. Тем не менее при всех трудностях и противоречиях, сопутствовавших становлению этой науки в советские и постсоветские годы, криминология уже сформировалась как самостоятельная наука со своим предметом исследования; используя достижения других наук, криминология формирует свой понятийный аппарат, комплексный метод исследования; ее исследования ориентированы на получение конечных результатов, имеющих практическую реализацию в законодательной и правоохранительной деятельности.

Список литературы:

1. Зорин Г.А. Криминалистическая методология. – Минск: Амаффея, 2000. – С. 592-593.
2. Криминология. – М.: Юристъ, 1999. – С. 216.
3. Кудрявцев В.Н., Никифоров Б.С. Вступительная статья // Социология преступности (современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 5-24.
4. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 2-е изд. – М.: Юристъ, 1999. – С. 29.
5. Селин Т. Социологический подход к изучению преступности // Социология преступности (современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966 – С. 37-38.
6. Криминология. – СПб, 1998. – С. 6.
7. Бухгольц Э., Лекшас Дж., Хартман Р. Социалистическая криминология. – М.: Прогресс, 1975. – С. 35-36.
8. Карбонье Ж. Юридическая социология. – М.: Прогресс, 1986. – С. 35-36.
9. Грацианский П.С. Некоторые вопросы теории социалистического правопорядка. – Труды Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Т. XX. Экономика и право. Вып. 2. – М., 1967; Явич Л.С. Социалистический правопорядок. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Т. 2. – Свердловск, 1972; Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977; Вебер М. Легитимный порядок // Новое время. – 1995. – № 26; Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. – СПб, 1996; Саванели Б.В. Правопорядок в соотношении с действующим правом с точки зрения постижения смысла права. – Тбилиси, 1992.
10. Общая теория советского права. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 375.
11. Социологический энциклопедический словарь. – М.: ИНФА-М-НОРМА, 1998. –

- С. 333. 12. Аванесов Г.А. Криминология, прогностика, управление. – Горький, 1975.
– С. 32. 13. Криминология. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1992. - С. 3.

Надійшла до редколегії 01.01.2000

*А.Т. Комзюк, канд. юрид. наук,
докторант Ун-ту внутр. справ*

Заходи забезпечення провадження в справах про адміністративні проступки: сутність, система та компетенція міліції щодо їх застосування

Заходи забезпечення провадження в справах про адміністративні правопорушення посідають значне місце в правоохоронній діяльності міліції, що обумовлено великою кількістю цих правопорушень. Практично у кожній з цих справ накладенню адміністративного стягнення передує застосування того чи іншого заходу забезпечення. Заходи забезпечення провадження становлять особливу групу заходів адміністративного припинення. Ці заходи в літературі іноді називають адміністративно-процесуальними [4; 5]. При цьому необґрунтовано, на нашу думку, ототожнюється два поняття – провадження в справах про адміністративні правопорушення і адміністративний процес. Як відомо, адміністративний процес складається з багатьох проваджень, серед яких провадження щодо застосування заходів адміністративного припинення і провадження в справах про адміністративні правопорушення. Тому всі заходи адміністративного припинення в певному розумінні процесуальні, оскільки діяльність щодо їх застосування становить частину адміністративного процесу.

Заходи забезпечення провадження – несамотійні, допоміжні заходи впливу, їх застосуванням забезпечується створення умов для притягнення порушника до адміністративної відповідальності (в деяких випадках – і до кримінальної). Вони застосовуються з метою припинення адміністративних проступків, коли вичерпано інші заходи впливу, встановлення особи, складення протоколу про адміністративне правопорушення, забезпечення своєчасного і правильного розгляду справи, виконання прийнятих постанов. Заходи забезпечення застосовуються тільки в рамках провадження, що ведеться у зв'язку з правопорушенням, тобто лише з моменту порушення справи і до її припинення і лише до особи, яка вчинила правопорушення. Крім вчинення проступку має бути встановлено додаткові підстави застосування цих заходів – неможливість припинення правопорушення іншими засобами, виконання інших процесуальних дій (складення протоколу, встановлення особи тощо), можливе вчинення особою нових проступків. Нарешті, законодавством вста-